

Путешествие с Робертом Дессе к Тургеневу

Игорь Золотарев

Австралийский писатель, критик и тележурналист Роберт Дессе узнал о России в середине 1950-х благодаря нашим спутникам и полету Юрия Гагарина в космос. Тогда Россия в представлении многих была символом всего нового и передового. Дессе купил словарь русского языка, и вся жизнь его получила новое направление. Русский стал его большой любовью, он окончил курсы русского языка, а в 1966 году приехал учиться в Московский университет. Писатель увлекся Россией, с годами увлечение перешло в любовь к нашей стране, ее культуре, литературе.

Однажды, оказавшись в Германии, Роберт Дессе напал на след Тургенева. Он уже знал русскую литературу, его поражали бесконечные вставки фантазии Гюголя, громы и молнии Достоевского, масштабные исторические панорамы Льва Толстого в «Войне и мире». Еще студентом Дессе прочитал все написанное Тургеневым, но лишь десятилетия спустя испытал к Ивану Сергеевичу то, что Т.С. Элиот называл «чувством родства или, вернее, некой личной близости», основанной на «тайном знании». Дессе начал чувствовать себя «другом» великого писателя. Что бы сильнее ощутить духовное родство с Тургеневым, посетил все тургеневские места в России, Германии, Франции. Он полагает, что Тургенев жил в сумеречное время, в «межземном» пространстве между эпохами, когда любовь, как ее понимали на протяжении веков, стала. А еще через сто лет такая любовь, похоже, и вовсе исчезнет. И то, как Тургенев раскрывает эту тему, — любовь в период сумерек любви — «хватает за сердце». Книга Роберта Дессе, о которой пойдет речь, называется «Сумерки любви».

Будучи в Баден-Бадене, Роберт Дессе прежде всего отправился на Лихтенгалескую аллею, где собралось русское общество и часто на скамейке у каштана сиял Тургенев. Дессе сразу узнал скамейку по памятнику, установленному возле «русского» дерева старинными Министерством культуры РФ. На табличке — имя Тургенева и годы жизни. Отлично вылепленная тургеневская голова на низком постаменте. Крупная голова, красивое, с окладистой бородой лицо, с длинным, чуть продолговатым носом, глубоко посаженные глаза, выдающиеся скулы, густая ухоженная борода. Красивая голова. Тургенев был поразительно красив, по словам всех,

кто его знал. Он прожил в Баден-Бадене семь лет, и его европейские романы «Накануне», «Дым», «Рудин», «Дворянское гнездо» были написаны здесь.

Сидя на скамейке, Дессе вспоминает о романе «Дым», о его персонажах, о любви и долге. В наши дни, в отличие от века, которому принадлежит Литвинов и Ирина, мы лучше знаем то, чем все прочие нам обязаны, хорошо знаем свои права. За отсутствием нравственных норм мы прибегаем к букве закона.

Тургенев, пишет Роберт Дессе, был одержим идеей любви, еще более непривычной для нас, чем любовь Литвинова или Татьяны в романе «Дым». С той самой минуты, когда впервые увидел Полну Виардо, он был верен ей всю жизнь, до последнего вдоха. Ему было двадцать пять лет, ей — двадцать два, и он влюбился без памяти. В последующие сорок лет жизни Тургенева, пишет Дессе, были и увлечения, и нежная дружба, но не было и часа, когда бы он не обращался мыслями к своей возлюбленной, рисуя в воображении ее образ — горящие угольно-черные глаза с тяжелыми веками, ниспадающие губы, блестящие черные волосы, забранные назад и оставившие открытым высокой чистый лоб.

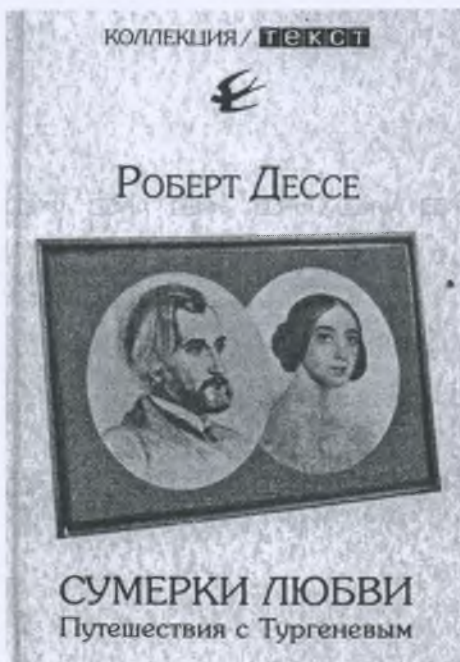
Далее писатель продолжает, что не может подыскать слова для этой любви. Назвать их связь «словным союзом» банально и неверно. Сказать, что он был безумно влюблен, наводит на мысль о несчастном страдальце, но ведь чувство к Полне придавало ему сил, духовно обогащало. Нельзя объяснить это просто страстью, хотя она и присутствовала в первые годы. Не было это и возвышенным «обожанием», как у Бодлера и Блока к их дамам сердца, — почти в каждом письме Тургенев целует ручки и ножки Полны, что показывает и его физическое

включение. Дессе допускает, что для такой любви еще не придумано имени, поскольку немногим довелось испытать нечто подобное. И Тургенев был доволен своей судьбой.

Роман «Дым» заволашевал Роберта Дессе лексическим богатством речи, россыпью слов, передающих малейшие оттенки настроений и чувств: желаний, влечений, отчаяния, гнева, печали и радости. Каждая записка Ирины и Литвинова другу другу — это крошечный шедевр, каждая их беседа тоже показывает их прекрасное знание родного языка. Это и легкое нарушение порядка слов, ритма, использование приставок, суффиксов и огромнейший словарный запас. Просвещенные читатели понимают, что реальные люди так не говорят. Но так Тургенев демонстрировал свое литературное ремесло, мы видим не просто язык, а искусство, тонкое, изощренное тургеневское письмо. Прочитать язык, не зная, что у красного цвета есть такие оттенки, как багровый, алый, кумачовый, гранатовый, пунцовый, кармин, — это лишить себя чего-то важного, поэтического. Поэзия — нечастая гостья в нашей повседневной жизни, на нее нам не хватает времени, а жаль.

Тургенев, написавший в Баден-Бадене несколько романов, был русским писателем до глубины души. Каждая его книга (свидетельствующая об удивительном богатстве изобразительных средств) изобилует русскими пейзажами, народными характеристиками, раскрывает особый образ мыслей и чувств, начиная с «Записок охотника», действие которых разворачивается недалеко от его Спасского-Лутовинова, до последних мистических рассказов. Он был свободным русским и отстаивал свое право играть на русской скрипке любые мелодии.

В Баден-Бадене, куда

Достоевский приезжал, чтобы играть в русскую рулетку (он всю жизнь нуждался в деньгах), Тургенев не ходил в казино, но он играл в карты, играл на счастье, а счастьем для него была любовь, мечта, чтобы Полна была только с ним, она сделала выбор в его пользу. Сорок лет отдал Тургенев своей даме сердца. Стоит учесть, что на его науру оказала сильное влияние его властная мать-помещица. У мадам Виардо тоже была страсть по власти. Тургенев бросался к ней всегда по первому зову. «Месяц в деревне» был написан Тургеневым, когда он гостил у Виардо в замке в Куртавнеле. В пьесе друг семьи влюблен в хозяйку, это чувство захватывает его, подчиняет ей всецело. У женщины (Полны Виардо) — свобода выбора. И она на глазах у Тургенева заводит роман с Шарлем Пуно (композитором), правда, пьеса к этому моменту уже была написана.

В Баден-Бадене, в этой тихой и прекрасной гавани, в счастливые годы, по словам самого Тургенева, он написал самые мрачные свои произведения. Одно из них — «Довольно». Вот цитата: «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко неинтересна и

нищенски плоска. Проникнувшись этим сознанием, отдавая этой полны, никакой уже мед не покажется сладким». Тоска, страх, даже паника — все это случается в жизни каждого, тем более творческого человека.

В это же время Тургенев работает над фантастической повестью «Призраки», где даже Париж, венец цивилизации, представлен автором на удивление шумным, нездоровым, уродливым, обреченным «человеческим — муравейником». Рассказчику вдруг опротивело наблюдать бессмысленное шевеление людей на нашей планете, где природа и человек бесчувственны и обречены на уничтожение. Вот это и есть у Тургенева вкус полны.

При таком ощущении душевной пустоты и внешнем благополучии Тургенев мог прийти к мистицизму, но этого не случилось, хотя он интересовался сверхъестественным. У каждого бывают кризисы, приступы меланхолии, каждый справляется с ними, как умел. Тургенев пошел путем отчаяния. Смирившись с тем, что он бессил перед лицом высших сил, итрающих человеком, — это судьба. Слепой случай и непреложные законы природы.

Успокоением была и любовь, под этим он подразумевал страсть к женщине, дружбу, нежные чувства, привязанность, верность, надежду.

Из Баден-Бадена Тургенев уезжает в Париж, где поселяется вместе с Виардо на улице Дюз, в двух шагах от «Мулен Руж». В Париже Тургенев написал половину романа «Отцы и дети». В ясный день он любил ходить в сад Тюильри, чтобы посидеть на лавочке, понаблюдать за ходом жизни, поразмыслить, как когда-то на своей любимой Лихтенгалеской аллее в Баден-Бадене. Автор романа «Отцы и дети» считал, что суть всех наших проблем не в том, что в век бездуховности все дозволено, как думал Достоевский, но в том, что любовь становится почти невозможной. А без любви, как сказал бы Тургенев, жизнь вообще теряет всякий смысл. И во всех романах Тургенева проводится мысль: начиная с середины девятнадцатого века существование души оказалось под вопросом, стало чрезвычайно трудно любить.

В Париже жизнь Тургенева не была случайной: участие в литературном процессе, светские приемы, всегда рядом любимая женщина. Он общался со всеми писателями, ставшими, как и он, великими. С Флобером он дружил, они ценили творчество друг друга, Мопассан — ученик Флобера и Тургенева, тоже друг Тургенева, восхищался его «Записками охотника» за то, что писатель показал крестьянскими людьми, достойными уважения. Это было ново. Другом считал Тургенева и Мерию, поверяя ему сокровенное, давая Тургеневу печатать свои произведения раньше, чем во Франции. Доде, Золя, Пинюры — они все знали друг друга, это был один круг общения. Генри Джеймс признавался, что после полуденных завтраков он покидал теплую компанию в состоянии необычайного «внутреннего возбуждения», что, когда начинал говорить, Тургенев всегда «оживляло» изображение слушателей. Он был красноречивым, великолепным рассказчиком. В салонах дамы слушали его, затаив дыхание.

Продолжение следует.